

Секция «Юриспруденция»

«Ответственность по защите»: выбор вектора развития концепции.

Алифиров Владислав Игоревич

Студент

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Юридический факультет, Москва, Россия
E-mail: alifirovmsu@yandex.ru*

Впервые концепция «Ответственности по защите» (Responsibility to Protect, R2P) была выдвинута в докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (называемой также комиссией Эванса-Сахнуна в честь ее сопредседателей) в 2001 году[1]. Необходимость ее разработки была обусловлена окончательной дискредитацией гуманитарной интервенции, активно продвигавшейся западной доктриной во второй половине 20 века для оправдания геополитических притязаний стран блока НАТО[2].

В современной доктрине существуют различные точки зрения на содержание гуманитарной интервенции, однако в общем виде под ней понимается «угроза или использование силы одним или более государствам в пределах территории другого государства с единственной целью остановить или предотвратить крупномасштабные, серьезные нарушения основных прав человека, которые имеют место или совершение которых в ближайшем будущем очевидно, независимо от гражданства, причем к таким правам в особенности относится право индивидов на жизнь, в случаях, когда угроза или использование силы осуществляются либо без предварительного получения полномочий от компетентных органов ООН, либо без разрешения законного правительства страны, на территории которой интервенция имела место»[3]. Предлагалось множество обоснований данной концепции: поиск ее корней в обычном международном праве, провозглашение приоритета принципа соблюдения прав человека над всеми остальными принципами *ius cogens*, чрезмерно расширительная трактовка Устава ООН с учетом его «духа»[4] (в соответствии с Преамбулой, ст. 1 (3), 55 и 56 Устава «члены ООН обязуются предпринимать совместные и коллективные действия» для «поощрения и развития уважения к правам человека»).

Однако очевидно, что данный подход не соответствует принципам неприменения силы, невмешательства во внутренние дела государств и их суверенного равенства. В соответствии со ст. 24 Устава ООН Совет Безопасности несет главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, действуя при исполнении этой обязанности от имени всех членов организации. Он обладает монополией на определение наличия любой угрозы миру и санкционирование всех необходимых средств по ее устранению, вплоть до военного вмешательства по гл. VII. Применение силы в обход Совета Безопасности региональными организациями или государствами, даже в гуманитарных целях, насильственная смена политического режима являются грубыми нарушениями международного права. Моральный аргумент за интервенцию также оказался несостоятельным, так как потери среди мирного населения в результате вмешательства в военных действиях и по причине разрушения стратегических объектов инфраструктуры зачастую оказывались выше вероятного числа жертв предотвращаемых преступлений (например, интервенция НАТО в Косово в 1999). Отечественная

доктрина международного права традиционно отрицала легитимность гуманитарной интервенции[5], что обуславливает актуальность разработки более совершенных механизмов международной защиты прав человека.

Доклад комиссии Эванса-Сахнуна содержал ряд дискуссионных предложений, в частности, допустимость принятия решения о вмешательстве Генеральной Ассамблеей в рамках процедуры «Единство в пользу мира» (Резолюция 377 (V)), региональными организациями, коалициями и даже отдельными государствами; возможность санкционирования вмешательства *ex post facto* Советом Безопасности (что имело место в Либерии и Сьерра-Леоне); идея «джентльменского соглашения» пяти постоянных членов о воздержании от применения права вето в случаях, когда большинство членов готовы санкционировать вмешательство; размытость формулировок оснований вмешательства и их большое количество. Однако в докладе была высказана масса перспективных идей, ряд из которых получил нормативное закрепление в ст. 138-139 Итогового документа Всемирного Саммита 2005 года (A/RES/60/1) и докладе Генерального Секретаря ООН «Выполнение ответственности по защите» 2009 года (A/63/677). R2P подразумевает не только перемещение акцентов с «права» сильных держав на вмешательство в «гуманитарных» целях в сторону ответственности государства по защите своего населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечности (I опора), делегируемую мировому сообществу в случае нежелания или неспособности государством ее реализовывать (III опора). Так, II опора провозглашает приверженность международного сообщества помощи государствам и созданию потенциала по реализации данной ответственности. Основания вмешательства сужены до четырех вышеперечисленных преступлений, определения которых можно обнаружить в Конвенции о геноциде 1948 года, Женевских конвенциях 1949 года и Статуте международного уголовного суда. Признана необходимость совершенствования возможностей раннего предупреждения; особый акцент сделан на исчерпании мирных средств урегулирования конфликтов перед вмешательством; решение о вмешательстве принимается исключительно через ООН.

Несмотря на это, не может не настораживать игнорирование части важнейших предложений комиссии Эванса-Сахнуна, развитых и дополненных бразильской (2011 год)[6] и китайской (2012 год) инициативами. Так, ответственность мирового сообщества по восстановлению государства после вмешательства, которая должна обеспечить полную стабилизацию обстановки в регионе и не допустить повторения нарушений за счет решения коренных причин конфликта, могла бы стать IV опорой концепции. Важнейшей проблемой является установление жесткого контроля за исполнением мандата Совета Безопасности государствами и коалициями со стороны мирового сообщества в лице ООН. Бессрочность мандата и отсутствие санкций за его превышение, а также за нарушение норм международного гуманитарного права ведет к произволу вмешивающихся государств, что показывает ливийский опыт[7], и снижает доверие к R2P.

Таким образом, при дальнейшем развитии концепции необходимо исходить из ее понимания как **формирующегося международно-правового механизма, который позволит повысить согласованность всех основных принципов и норм международного права и обеспечит более последовательную и системную их реализацию в целях укрепления международного мира и безопасности.**

Литература

1. The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty. Ottawa, 2001
2. Котляр В.С. К вопросу о пределах допустимости силового вмешательства по гуманитарным причинам во внутренние конфликты в других государствах. // Вестник Дипломатической академии МИД России. М., 2013. С. 130-131
3. The Use of Force for Humanitarian Purposes. Enforcement Action for Humanitarian Purposes and Humanitarian Intervention // Advisory Committee on Human Rights and Foreign Policy and Advisory Committee on Issues of Public International Law. Report 5. 1992. P. 4
4. Reisman, M. Humanitarian Intervention to protect the Iboes / M. Reisman, M. McDougal // Humanitarian Intervention and the United Nations / ed. R. Lillich. Charlottesville, 1973. P. 167
5. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М., 1995. С. 72
6. Котляр В.С. Бразильская инициатива в ООН с целью ограничения применения силы в операциях по защите гражданского населения. // Актуальные проблемы современного международного права: материалы X ежегодной Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти профессора И. П. Блищенко: в 2 ч. – Ч. I. Москва, 13–14 апреля 2012 г. М.: РУДН, 2012. С. 51-59
7. Е. Воронин. Проблема легитимности вооруженного вмешательства. Ливийский casus belli. // Международная жизнь (№8-2012)